

Александр Восьмой

Комедия
Дневник Злодея

Александр Восьмой
Комедия Дневник Злодея

«Автор»

2026

Восьмой А.

Комедия Дневник Злодея / А. Восьмой — «Автор», 2026

Дневник неудавшегося злодея. Молодой злодей мечтает покорить мир, но у него ничего не получается: ловушки не срабатывают, речи звучат жалко, а подчинённые постоянно жалуются на условия труда. Он ведёт дневник, где честно описывает свои провалы, и неожиданно именно эта искренность начинает привлекать сторонников. Эпичность — в контрасте между грандиозными планами и мелкими бытовыми неудачами. Юмор — в саморазоблачениях и попытках выглядеть зловеще.

© Восьмой А., 2026

© Автор, 2026

Александр Восьмой

Комедия Дневник Злодея

Глава 1. «Великий план, который начался с пролитого кофе»

Логово злодея выглядело именно так, как и положено логову: высокие своды терялись в полумраке, по стенам тянулись тени от кованых светильников, а в центре зала возвышался стол из чёрного камня — тяжёлый, угловатый, внушающий трепет. По крайней мере, именно так было задумано. На практике же в одном углу тихо капала вода из трубы, прикрытой бархатной драпировкой, а на полу лежал ковёр с узором, который при определённом освещении напоминал не зловещий орнамент, а абстрактную карту пиццерий города.

Злодей стоял у стола, выпрямившись, с пером в руке и взглядом, который он старательно делал «леденящим душу». На нём был плащ с подкладкой глубокого алого цвета — специально подобранный, чтобы выглядеть максимально внушительно. Он уже мысленно произносил первую фразу своего великого манифеста: «С этого дня мир узнает моё имя...» — и представлял, как эти слова разнесутся эхом по континентам.

На столе лежал чистый пергамент. На самом деле это была обычная бумага формата А4, слегка тонированная в типографии, но злодей предпочитал думать о ней как о пергаменте. Рядом стояла чашка кофе — чёрная, массивная, с тиснением в виде черепов. Кофе был крепким, почти маслянистым, и должен был подпитывать его зловещую решимость.

Он наклонился, чтобы начать писать.

И в этот момент чашка дрогнула.

Не от землетрясения, не от удара судьбы, не от проклятия древних богов — просто потому, что край стола оказался чуть скошен, а рука злодея в порыве вдохновения слишком сильно оперлась о столешницу. Чашка качнулась, сделала короткую, почти театральную паузу, будто сама решала, стоит ли устраивать катастрофу, — и опрокинулась.

Горячая тёмная волна хлынула по бумаге, мгновенно превращая «пергамент» в мокрый комок, а первые буквы плана — в расплывшиеся кляксы. Злодей застыл, глядя на это с выражением, в котором боролись ярость, отчаяние и осознание нелепости момента.

— Нет, — прошептал он. — Только не это.

В дверях послышались осторожные шаги. Это были его подчинённые — небольшая, но преданная группа приспешников, которых он собрал по объявлениям и рекомендациям. Они вошли, стараясь не смотреть прямо на лужу кофе, но не в силах скрыть любопытство.

— Господин? — тихо спросил первый, самый смелый. — У нас... собрание?

Злодей медленно поднял голову. Его взгляд должен был испепелять. Но вместо этого он выглядел так, будто пытался одновременно сохранить достоинство и не пролить остатки кофе с рукава.

— Да, — произнёс он твёрдо. — Собрание. Мы начинаем захват мира.

Приспешники переглянулись. Один из них осторожно протянул злодею салфетку.

— Спасибо, — процедил злодей, промокая страницу. — Не нужно. Я сам.

Но страница уже не подлежала спасению. Тогда он схватил новый лист и, стараясь говорить максимально низким и угрожающим тоном, начал диктовать:

— Пункт первый: установить контроль над ключевыми транспортными узлами. Пункт второй: создать сеть осведомителей. Пункт третий: подготовить... — он запнулся, потому что на новом листе тоже осталось пятно — на этот раз от мокрого края предыдущей страницы. — Подготовить... э-э... устрашающий манифест.

— Господин, — снова подал голос первый приспешник, — может, сначала вытрем стол?

— НЕТ! — рявкнул злодей. И тут же понял, что рявкнул слишком громко, и теперь выглядит не грозным, а рассерженным из-за кофе. Он сделал паузу, глубоко вдохнул, попытался вернуть себе величественность — и тут заметил, что на плаще тоже осталось пятно.

Тишина в зале стала почти осязаемой.

— Это... часть дизайна, — наконец заявил он, указывая на пятно. — Символизирует... тьму. И хаос.

— Очень атмосферно, господин, — кивнул приспешник с таким серьёзным лицом, что было ясно: он изо всех сил сдерживает улыбку.

Остаток дня прошёл в попытках сохранить лицо. Злодей диктовал «стратегию устрашения», периодически вытирая стол и делая вид, что это ритуальные жесты. Он требовал, чтобы его называли «Тенью Эпохи» и «Грозой Горизонтов», но один из приспешников случайно назвал его «Господин Пятно» — и тут же побледнел, поняв, что сказал это вслух.

К вечеру план по захвату мира так и не был оформлен в письменном виде. Вместо этого у злодея появился новый пункт: «Найти термостойкую посуду с антискользящим покрытием».

Вечером, сидя в своём кабинете и ведя дневник, он написал:

«Сегодня я должен был войти в историю как величайший злодей столетия. Вместо этого я войду в неё как человек, который начал завоевание мира с уборки кофе со стола. Но пусть это будет уроком: даже величайшее зло начинается с мелочей. Или хотя бы с хорошей чашки, которая не падает».

Он закрыл дневник, вздохнул и посмотрел в окно на город, раскинувшийся внизу. Огни мерцали, улицы жили своей жизнью, и где-то там, среди них, наверняка был кто-то, кто мечтал о великом — и тоже проливал кофе по утрам.

«Ничего, — подумал злодей. — Завтра будет новый день. И новая чашка. С крышкой».

Глава 2. «Ловушка для героя: когда пружины не пружинят»

Подземный коридор логова тянулся вперёд, теряясь в густой тени, которую не могли разогнать даже зловещие факелы на стенах. Их пламя подрагивало, будто само пространство сомневалось в серьёзности происходящего. По плану именно здесь должен был развернуться первый акт великого противостояния: герой, полный решимости и пафоса, ворвётся в коридор — и тут же попадёт в ловушку века.

Ловушка была задумана с размахом. Огромная плита должна была рухнуть сверху, отрезая путь к отступлению. По бокам — скрытые механизмы, выбрасывающие сети. А в центре — нажимная пластина, запускающая всю эту симфонию ужаса. Злодей лично чертил схему, вдохновляясь древними катакомбами и самыми эффектными сценами из эпических фильмов. Он даже добавил табличку: «Осторожно, зло!» — чтобы у героя не оставалось ни малейших сомнений в том, куда он попал.

Сегодня настал день проверки.

Злодей спустился в коридор в сопровождении главного инженера — угрюмого приспешника с бородой, в которой, казалось, можно было хранить мелкие детали механизмов. Рядом шёл помощник, державший планшет с чертежами и список возможных неисправностей, который был длиннее, чем манифест о мировом господстве.

— Всё готово? — спросил злодей, стараясь говорить так, чтобы голос звучал весомо, но не слишком громко — акустика здесь была коварной, и эхо могло превратить угрозу в нечто похожее на жалобное мяуканье.

— В теории, — буркнул инженер, поправляя очки. — Но я бы не стал на это полагаться.

— Мы не полагаемся, — твёрдо сказал злодей. — Мы проверяем. Лично.

Он шагнул к нажимной пластине. Та выглядела внушительно: массивная, тёмная, с гравировкой в виде стилизованных черепов. Он поставил ногу.

Ничего не произошло.

Он надавил сильнее.

Тишина.

Тогда он прыгнул.

Коридор отозвался глухим эхом, но ловушка осталась равнодушной.

— Может, она срабатывает только на героя? — предположил помощник, глядя на планшет. — Ну, там... по весу, по ауре, по уровню праведности...

— Ловушки не разбираются в аурах! — рявкнул злодей, но тут же понизил голос, потому что фраза прозвучала не грозно, а как оправдание. — Это механика. Она должна реагировать на давление.

Инженер молча подошёл к рычагу сбоку и дёрнул его.

Сверху что-то заскрежетало, затряслось, и наконец плита медленно, с достоинством умиряющего динозавра, поползла вниз. Но вместо того чтобы рухнуть с грохотом, она остановилась на полпути, застряв в направляющих.

— Ржавчина, — коротко констатировал инженер. — И пыль. И, возможно, птичье гнездо. В механизме.

— Птичье гнездо? — переспросил злодей. — В моей ловушке?

— Ну, кто-то же должен был там жить, — философски заметил помощник.

Пока инженер разбирался с механизмом, злодей подошёл к боковым нишам, где прятались сети. Он потянул за верёвку, чтобы проверить натяжение. Верёвка хрустнула и оборвалась, оставив в его руке лишь потрёпанный конец.

— Это что, шпагат для запекания? — пробормотал он, разглядывая обрыв.

— Эконом-закупка, — виновато пожал плечами помощник. — Сказали, что прочный.

— Прочный для чего? Для упаковки цветов?!

В этот момент плита наверху дёрнулась и, наконец, рухнула — но не вертикально, а под углом, с треском застряв между стенами. Теперь она выглядела не как орудие возмездия, а как аварийная перегородка сомнительного качества.

— Ладно, — выдохнул злодей, пытаясь сохранить остатки достоинства. — Значит, меняем тактику.

Он подошёл к табличке «Осторожно, зло!», которая висела на хлипкой скобе и слегка покачивалась от сквозняка. Присмотрелся. Шрифт был округлым, почти дружелюбным. Цвет — тёмно-бордовый, который в полумраке коридора казался скорее уютным, чем угрожающим.

— Выглядит как приглашение на чаепитие, — пробормотал инженер, не поднимая глаз.

— Это стиль! — возразил злодей. — Минимализм. Угроза в простоте.

— Ага, — кивнул помощник. — «Осторожно, зло» — звучит как предупреждение о горьком шоколаде.

Злодей хотел было строго посмотреть на него, но в этот момент табличка сорвалась со скобы и упала прямо ему на ботинок.

— Отлично, — сказал он, поднимая её. — Просто отлично.

Следующие два часа превратились в импровизированный ремонт. Инженер ругался на пыль и коррозию, помощник бегал за новыми верёвками (на этот раз — из строительного магазина, «для тяжёлых нагрузок»), а злодей пытался выглядеть так, будто он не просто наблюдает, а руководит процессом с высоты стратегического видения.

В какой-то момент он сам полез в нишу, чтобы подтянуть трос, и застрял там на три минуты, пока его не вытащили, отряхивая паутину с плаща.

— Это... часть плана, — заявил он, когда его наконец освободили. — Тактическая маскировка.

— Очень тактическая, — согласился инженер, пряча улыбку за гаечным ключом.

К вечеру ловушка наконец заработала. Плита упала ровно. Сети выстрелили (правда, одна запуталась и повисла гирляндой). Нажимная пластина щёлкнула. Даже табличка теперь висела ровно — хотя и выглядела по-прежнему подозрительно гостеприимно.

Уставший, в пятнах масла и пыли, злодей стоял посреди коридора и смотрел на своё творение.

— Теперь это работает, — сказал инженер.

— Да, — кивнул злодей. — Теперь это работает.

Но в голосе его не было торжества. Только усталость и лёгкая ирония.

Вечером он сел за дневник и вывел аккуратным почерком:

«Сегодня я понял одну важную вещь: величайшее зло требует не только амбиций, но и регулярного техобслуживания. Моя ловушка наконец-то готова. Она сработает. Наверное. Если не пойдёт дождь, если не залетит очередная птица, если кто-нибудь не перепутает верёвки...

Но пусть это будет уроком: даже самый зловещий план может рухнуть — буквально — из-за ржавчины и плохой закупки.

Завтра я составлю график проверок. И куплю нормальные верёвки. И, возможно, найму кого-то, кто разбирается в механизмах лучше, чем в оправданиях.

А табличку... пожалуй, перепишу. Что-нибудь более однозначное. Например: «Не наступать. Серьёзно»».

Он закрыл дневник, зевнул и посмотрел на часы. Было уже поздно. Город за окнами логова мерцал огнями, и где-то там герой, возможно, готовился к своему великому походу.

«Пусть приходит, — подумал злодей. — Теперь у меня хотя бы всё работает. Ну, почти».

Глава 3. «Речь, которая должна была вселить ужас, а вселила жалость»

Зал для собраний в логове был спроектирован так, чтобы внушать трепет. Высокие потолки уходили в темноту, будто сами небеса склонялись перед величием замыслов. По периметру горели светильники с тусклым багровым светом — не столько чтобы освещать, сколько чтобы отбрасывать длинные, зловещие тени. В центре, на небольшом возвышении, стоял пюпитр из чёрного дерева, украшенный резьбой: переплетённые змеи, стилизованные черепа и символы, которые, по задумке, должны были означать «неизбежность рока», а на деле напоминали сложный орнамент из меню суши-бара.

Сегодня здесь собрались все приспешники — ровно семнадцать человек, если считать кота, которого кто-то упорно вносил в списки как «ассистента по атмосфере». Они сидели на жёстких стульях, стараясь выглядеть собранно, но в их взглядах читалось не столько предвкушение великого откровения, сколько осторожное любопытство: «А вдруг сегодня всё получится?»

Злодей стоял у пюпитра, выпрямившись так, что позвоночник, казалось, вот-вот затрепещит от напряжения. Он надел свой лучший плащ — тот самый, с алой подкладкой, который, по его мнению, добавлял голосу веса. В руке он сжимал указку — тонкую, резную, с наконечником в виде миниатюрного черепа. Она должна была стать жезлом власти, символом его воли, инструментом, которым он будет рассекал воздух, подчёркивая каждую фразу.

Он глубоко вдохнул.

— Слушайте! — начал он низким, раскатистым тоном, который старательно репетировал перед зеркалом. — Настал час, когда тени обретут форму, а тишина заговорит голосом бури! Мы стоим на пороге новой эры — эры, которую я... то есть, мы... создадим!

В зале повисла тишина. Не та торжественная тишина, которая бывает перед откровением, а та неловкая, что возникает, когда кто-то сказал что-то странное, и все пытаются понять, шутка это или нет.

Злодей почувствовал, как по спине пробежал холодок. Не от драматизма момента, а от сквозняка из-за плохо закрытой двери. Он продолжил, стараясь звучать увереннее:

— Мир дрожит на грани перемен! Он ждёт прикосновения нашей воли! Мы не просто изменим порядок вещей — мы перепишем саму ткань реальности!

Голос, вопреки всем усилиям, предательски дрогнул на слове «реальности», взлетев на октаву выше, чем планировалось. Теперь фраза прозвучала не как пророчество, а как взволнованное восклицание человека, который только что заметил, что забыл выключить утюг.

Приспешники переглянулись. Один из них — тот, что отвечал за кофе-машину — едва заметно кивнул, будто говоря: «Я тебя понимаю, брат».

Злодей сжал указку крепче, словно она могла придать ему сил. Он шагнул вперёд, собираясь сделать эффектный жест — резко опустить её на карту мира, лежавшую на пюпитре, чтобы подчеркнуть масштаб своих планов.

И тут указка выскользнула из его пальцев.

Она не упала с драматичным стуком, не вонзилась в стол, не разбила что-нибудь ценное. Она просто мягко соскользнула и стукнулась об пол — короткий, почти виноватый звук, который в абсолютной тишине зала прозвучал оглушительно.

Тишина стала ещё гуще.

Злодей наклонился, чтобы поднять её, и в этот момент его плащ зацепился за край пюпитра. Он дёрнулся, пытаясь освободиться, и чуть не потерял равновесие.

— Всё под контролем, — пробормотал он, выпрямляясь и стараясь вернуть себе величественность. — Это... часть ритуала.

— Господин, — тихо, почти шёпотом, произнёс приспешник, сидевший в первом ряду, — может, стакан воды?

Злодей замер. Он посмотрел на него. Приспешник смотрел в ответ с выражением, в котором смешались искреннее беспокойство и отчаянное желание не рассмеяться.

— Да, — наконец сказал злодей. — Спасибо. Вода... поможет голосу.

Пока ему несли стакан, он стоял, глядя в пустоту перед собой, и пытался собрать остатки пафоса. Но пафос, как оказалось, был хрупкой вещью — он рассыпался от одного неловкого движения.

Когда стакан оказался у него в руках, он сделал глоток, поставил его на пюпитр и снова посмотрел на своих подчинённых.

— Мы добьёмся своего, — сказал он уже не громовым голосом, а просто твёрдо. — Не потому что мы самые страшные, а потому что... мы не сдаёмся. Даже когда указки падают. Даже когда голос срывается. Даже когда кажется, что весь мир смотрит и думает: «Ну вот, опять».

В зале снова повисла тишина — но на этот раз она была другой. В ней не было неловкости. В ней было... внимание.

— И ещё, — добавил он, чуть улыбнувшись, — если кто-то найдёт более надёжную указку — дайте знать. Желательно без черепов. Они скользкие.

По рядам пробежал тихий смешок — не издевательский, а скорее сочувственный и даже одобрительный. Кто-то кивнул. Кто-то записал что-то в блокнот. А тот, кто отвечал за кофе, поднял руку:

— Господин, я могу заодно проверить, чтобы вода всегда была под рукой. На всякий случай.

— Спасибо, — кивнул злодей. — Это будет... стратегически полезно.

Вечером, сидя в своём кабинете и записывая в дневник, он вывел аккуратным почерком:

«Сегодня я должен был вселить в своих людей ужас. Вместо этого я, кажется, вселил в них... сочувствие. И, что ещё страннее, какое-то доверие.

Я думал, что сила — в том, чтобы звучать грозно. Но, возможно, сила ещё и в том, чтобы не бояться выглядеть нелепо. Чтобы подняться после того, как указка упала. Чтобы сказать: «Да, я нервничаю. Да, я не идеален. Но я всё равно пойду вперёд».

Завтра я снова буду репетировать речь. Но на этот раз — без указки. Пусть главным инструментом будет не реквизит, а мои слова. И, возможно, стакан воды где-то поблизости.

А ещё я подумаю над тем, чтобы сделать наши собрания чуть менее мрачными. Может, добавим пару растений? Говорят, они улучшают атмосферу. Не зловещую, а просто... атмосферу».

Он закрыл дневник, отложил ручку и посмотрел в окно. Город жил своей жизнью, мерцая огнями, и где-то там, возможно, герой готовился к новому подвигу.

«Пусть готовится, — подумал злодей. — У меня тоже есть план. Даже если он пока звучит не слишком грозно — он мой. И я его не брошу».

Глава 4. «Штаб-квартира: между величием и текущими трубами»

Логово злодея должно было внушать трепет одним своим видом. Мрачные коридоры, вырубленные будто в толще древней скалы, чёрные флаги с вышитыми серебряными символами, статуи суровых воинов в нишах — всё это создавало ту самую атмосферу неотвратимой угрозы, которую злодей так старательно культивировал. По задумке, любой, кто сюда попадал, должен был почувствовать: здесь творится история. Или хотя бы очень серьёзный заговор.

На практике же история творилась не только в кабинетах и на картах завоеваний, но и в подсобке третьего коридора, где уже третью неделю капал кран.

Злодей шёл по главному проходу, стараясь держаться прямо и смотреть вперёд так, чтобы его взгляд можно было описать как «пронизывающий века». Плащ развевался за спиной — не столько от ветра, сколько от того, что система вентиляции работала с переменным успехом и иногда выдавала резкие порывы, будто сама природа сомневалась в торжественности момента.

Он остановился у статуи каменного стража — массивной фигуры с опущенным мечом и лицом, выражающим вековую усталость. По его замыслу, статуя должна была символизировать «непреклонную волю тьмы». На деле же она напоминала охранника, который слишком долго стоит на посту и уже мечтает о выходных.

— Идеально, — пробормотал злодей, поправляя складки плаща. — Атмосфера... почти безупречна.

И тут из-за угла донеслось знакомое: кап... кап... кап.

Звук был тихий, почти незаметный, но в зловещей тишине коридоров он звучал громче фанфар. Злодей замер, словно прислушиваясь к биению сердца логова — и понял, что это снова кран.

Он свернул в боковой коридор, миновал две двери с табличками «Секретно» и «Ещё секретнее», толкнул неприметную дверь в подсобку — и оказался в маленьком помещении, где на стене висели швабры, в углу стояла корзина для мусора, а над раковиной капала вода. Капля падала ровно раз в три секунды, будто отсчитывала последние мгновения его величия.

— Ну серьёзно, — вздохнул злодей, глядя на кран. — Мы планируем захват континента, а у нас тут... это.

В подсобку заглянул приспешник номер пять — тот, который отвечал за хозяйственные вопросы и всегда выглядел так, будто ему постоянно приходится оправдываться за состояние имущества.

— Господин, — осторожно сказал он. — Я оставил заявку на сантехника. В третью очередь. После укрепления ворот и закупки новых флагов.

— В третью очередь? — переспросил злодей. — А разве текущие трубы — это не вопрос безопасности?

— Если считать, что вода может смыть секретные документы — то да, — дипломатично ответил приспешник. — Но пока она только портит счётчик.

Злодей посмотрел на него, потом снова на кран. В этот момент капля упала прямо ему на ботинок.

— Ладно, — сказал он, стараясь сохранить достоинство. — Пусть будет в первой очереди. Прямо сейчас.

Пока приспешник звонил сантехнику, злодей вернулся в главный зал и попытался снова поймать тот самый настрой. Он встал у карты мира, где были отмечены зоны влияния, и попытался представить, как эти флажки превращаются в реальные территории. Но взгляд сам собой цеплялся за детали: на одном из флагов разошёлся шов, в углу паутина выглядела подозрительно опрятной, будто её специально расправили для симметрии, а из вентиляции снова подул так, что плащ едва не улетел в коридор.

К полудню в логово пришёл сантехник — спокойный мужчина в синей спецодежде, с таким видом, будто он видел всё: от прорванных труб в заброшенных замках до фонтанов в элитных офисах. Он осмотрел кран, покачал головой и произнёс фразу, которая прозвучала почти как пророчество:

— Тут не просто прокладка. Тут вся система устала.

— Система? — переспросил злодей, будто речь шла не о водопроводе, а о его планах. — Что значит «устала»?

— Значит, что трубы старые, соединения слабые, а давление скачет, — объяснил сантехник, откручивая гайку. — Если хотите, чтобы не капало — надо менять участок. А лучше — всю разводку.

Злодей смотрел на это с чувством, похожим на горечь поражения. Его логово, его цитадель, его символ власти... оказалось уязвимо перед обычным износом.

— А нельзя просто... подкрутить? — спросил он почти жалобно.

— Можно, — кивнул сантехник. — На пару дней. Потом будет течь сильнее.

Приспешники, собравшиеся посмотреть, как решается судьба крана, переглянулись. Кто-то тихо пробормотал: «Вот оно, истинное зло — коммунальные проблемы».

В итоге злодей согласился на замену участка трубы. Пока сантехник работал, он бродил по коридорам и вдруг начал замечать то, на что раньше старался не смотреть: в одном месте от стены откололся кусок штукатурки, в другом — скрипели половицы, а в зале для совещаний из окна слегка дуло, несмотря на все уплотнители.

Он остановился у окна и посмотрел на город. Огромные здания, огни, движение — всё это выглядело таким масштабным, таким настоящим. А его логово, при всей своей мрачной эстетике, казалось... слегка потрёпанным. Как костюм, который шили для великой роли, но забыли подогнать по размеру.

Вечером, когда сантехник ушёл, а кран наконец перестал капать, злодей сел за свой стол и открыл дневник. Он долго смотрел на чистую страницу, потом взял ручку и начал писать.

«Сегодня я впервые задумался о том, что величие — это не только флаги и статуи. Это ещё и исправные трубы.

Я хотел, чтобы моё логово внушало ужас. Но, кажется, оно внушает скорее сочувствие — особенно когда вода капает на ботинок в самый ответственный момент.

Может быть, я слишком много внимания уделял внешнему виду и слишком мало — содержанию. Может быть, настоящий злодей — это тот, у кого не только коварные планы, но и надёжная инфраструктура.

Завтра я составлю список всех поломок. Не потому что я сдаюсь, а потому что даже зло должно быть организованным. И, возможно, стоит выделить отдельный бюджет на ремонт. Не на новые флаги, а на то, чтобы ничего не капало.

А ещё я подумаю над тем, чтобы сделать логово чуть более... удобным. Не уютным — это было бы слишком. Но хотя бы таким, где приспешники не будут жаловаться на сквозняки. В конце концов, довольные подчинённые — это тоже часть стратегии».

Он закрыл дневник, откинулся на спинку кресла и прислушался. В логове было тихо. Ни скрипа, ни капанья, ни странных звуков из вентиляции. Только далёкий гул города и тихий шёпот собственных планов.

«Пусть герой готовится, — подумал злодей. — А я пока разберусь с трубами. И только потом — с миром».

Глава 5. «Секретный код, который оказался паролем от Wi-Fi»

В операционном центре логова царил напряжённая тишина — та самая, которая бывает перед запуском чего-то по-настоящему масштабного. По крайней мере, так казалось со стороны. На деле же тишина объяснялась тем, что все старались не шуметь, чтобы не отвлекать злодея, который в этот момент пытался придумать шифр, достойный древних манускриптов и тайных обществ.

На столе перед ним лежали листы бумаги, исчерканные буквами, цифрами и странными символами, которые, по его задумке, должны были выглядеть как язык забытой цивилизации. Он вдохновлялся рунами, азбукой Морзе, схемами алхимиков и даже меню доставки суши, где случайно заметил загадочную строчку «SUSHI2024» — и тут же вычеркнул её, решив, что это слишком очевидно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.